

УДК 378:001.891

О СУДЬБЕ КАЗАНСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

*М.А. Усманов, академик АН РТ**Предыстория*

Становление университетской научной ориенталистики в России неразрывно связано с историей Казани и Казанского университета¹, в котором был создан первый в стране востоковедческий центр – Восточный разряд (ВР).

Основание самого университета в 1804 г. в Казани, являвшейся своеобразными «восточными воротами» империи, продиктовано стремлением России далее расширять свою территорию, укрепляя позиции в направлении Центральной Азии, Дальнего и Среднего Востока. Такое устремление предполагало накопление соответствующих знаний о странах и народах названных регионов, с чем и было связано основание специального востоковедческого центра в университете. Казань являлась наиболее оптимальным местом для этой цели: в ее пределах жили носители нескольких восточных (тюркских) языков; у населения (татар) в большом количестве имелись необходимые, хотя бы частично подходящие для использования в учебном процессе текстовые материалы – рукописи на арабском, персидском языках и различных тюркских наречиях.

На значение этих рукописей здесь обращается внимание потому, что как на Руси периода ее зависимости и обретения самостоятельности от Улуса Джучи (до конца 15 в.), так и в позднейшей России (почти до 20-х годов 19 столетия) из восточных языков наиболее освоенным был тюрко-татарский, то есть старотатарский письменный язык. Он

сложился в золотоордынский период², в 13–15 вв., а также во времена существования самостоятельных татарских ханств и являлся языком межгосударственного общения почти во всей северо-западной Евразии. На этом языке велась переписка при дипломатических отношениях с рядом восточных государств и народов; его активно использовали и в России³, чему способствовало, как отмечал В.В. Бартольд, наличие готовых кадров из татарского населения⁴, включенного в 16 в. в состав Российского государства. Можно сказать, что практическая тюркология в России имеет глубокие корни. Поэтому при основании нового университета предпринимались меры по преподаванию этого языка и составлению учебных пособий⁵.

Относительно быстрому становлению и успешному развитию научного востоковедения в Казанском университете (КУ) способствовало, прежде всего, то, что в этом процессе в качестве ведущих специалистов и заведующих только что открытых кафедр принимали непосредственное участие приглашенные из Германии крупные ученые⁶. Вообще Казанский университет (КУ) в первой половине 19 в. формировался и развивался под сильным влиянием **германской** научно-образовательной культуры, то есть во многом он являлся **европейско-немецко-русским** университетом с высоким научным уровнем⁷. В этом плане показательны следующие факты: в 1813 г. Специальный совет, уполномоченный выбрать ректора, состоял из 17 ординарных и экстраординарных профессоров, из которых 14

были выходцами из Германии, а еще один являлся полунемцем⁸. Немцев не было лишь на богословском отделении университета⁹.

В становлении Казанского научного востоковедения в ВР в КУ бесспорна выдающаяся заслуга профессора восточной словесности арабиста Христиана Мартина Френа (1782–1851). В Казани он учил татарский язык, обследуя нумизматические материалы; создал первые научные труды по политической истории Булгарского царства и Золотой Орды; разрабатывал принципы текстологии тюркоязычных письменных памятников. Х.М.Френ фактически определил пути дальнейшего развития ориенталистики в университете, в дальнейшем успешно продолженное А. Казем-Беком (1802–1870). Френ является также бесспорным основателем восточной нумизматики в России¹⁰ — той специальной исторической дисциплины, без которой почти невозможно полноценное изучение социальной и политической истории северо-западной Евразии 10–16 вв.

Однако востоковедению в КУ не суждено было существовать долго. В 1854–1855 гг. ВР со всем контингентом преподавателей и студентов, а также с учебными пособиями, включая ценнейшие рукописные коллекции, был переведен в Санкт-Петербургский университет, где таким образом в 1855 г. был создан Факультет восточных языков (ФВЯ). Это было связано с тем, что правительство, с одной стороны, хотело укрепить ориенталистику в столице, а не в провинции, с другой, — надо полагать, имея квалифицированных востоковедов «под рукой», желало усилить контроль над их деятельностью. Тем самым, как писал В.В. Бартольд, «требования научного востоковедения всецело приносились в жертву действительным или мнимым требованиям государственной жизни»¹¹. Таким образом, в результате руководящей деятельности бывших казанских востоковедов, прежде всего энергичного и невероятно инициативного А.К. Казем-Бека, два-

жды избиравшегося деканом (1854–1858 и 1866–1870 гг.), его ученика И.Н. Березина (1870–1873) и пятнадцатилетнего (1878–1893) деканства В.П. Васильева, «в большей степени, чем Березин, примыкавшего к взглядам Казем-Бека и казанской школе ориенталистов»¹², сложился фундамент того знаменитого и подлинно академического центра ориенталистики в России, который известен под названием петербургской (ленинградской) школы российского востоковедения, кузницей кадров которой стал ФВЯ.

Правда, научная общественность КУ и тогда и позднее относилась отрицательно к факту перевода ВР в столицу. Она оказывала некоторое сопротивление этому процессу, пытаясь сохранить у себя хотя бы часть востоковедческой литературы, особенно рукописи.

Во второй половине 19 в. небольшие признаки востоковедения в КУ «теплились» лишь в деятельности арабиста И. Готвальда (1813–1897), предпринявшего меры по восстановлению коллекции восточных книг и рукописей. Несколько позднее оно продолжилось в тюркологических исследованиях Н.Ф. Катанова (1862–1922)¹³. Потерю ВР в какой-то степени попытались компенсировать члены Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при КУ, функционировавшего с 1878 г., хотя в их трудах преобладала местная тематика в виде археологических поисков и некоторых тюркологических изысканий.

Некоторые элементы научной ориенталистики имели место в трудах сотрудников Казанской духовной академии, являвшейся, прежде всего, религиозно-миссионерским учреждением. Следует специально отметить, что именно в Казани рядом ученых во главе с Н.И. Ильминским (1822–1891) была создана известная грамматика алтайских языков, ознаменовавшая зарождение нового направления востоковедения — алтаистики¹⁴.

Здесь необходимо отметить, что после ликвидации ВР в КУ и организации

при нем ОАИЭ основным объектом изучения ориенталистов на долгие годы становятся преимущественно вопросы внутреннего, то есть российского Востока, особенно Волго-Уральского региона.

Влияние казанской ориенталистики, сложившейся в первой половине и середине 19 в., испытывали на себе представители татарской научно-просветительской мысли. Это влияние усилилось в период становления и развития обновленческого движения, ставшего известным несколько позднее под названием **джадидизм**. Так, в некоторые исследования основоположника татарской исторической мысли, крупного теолога Шигабаддина Марджани (1818–1889), формировавшегося в традиции восточной историографии, начинают проникать отдельные элементы русско-европейской научной культуры, также сведения западных источников и исследований¹⁵. Этому способствовало активное посредничество его ученика Хусаина Фаизханова (1828–1866), тесно общавшегося с ориенталистами как в Казани, так и в Петербурге. В столицу Х. Фаизханов переехал по предложению А.К. Казем-Бека, где он работал на факультете восточных языков и активно сотрудничал одновременно с востоковедами из Академии наук (в их числе были Б.А. Дорн, В.В. Вельяминов-Зернов и др.)¹⁶.

Намного радикальнее, чем Марджани, в плане обновления формы, стиля и содержания научных трудов, оказался его последователь по убеждениям Риззатдин Фахретдин (1859–1936). Перу этого крупного богослова, историка, журналиста, писателя и педагога принадлежат десятки книг, сотни статей, посвященных жизни и духовно-культурному наследию многих знаменитых деятелей мусульманской культуры из различных стран (Ибн Рушд, аль-Ма'арри, аль-Газали, аль-'Араби, Ибн Таймия, Ибн Халдун, аль-Макризи, Ибн Халлякан, Акбар, хан Узбек и мн.др.). Он является также автором многотомного библиографического

свода «Асар» («Следы»), содержащего материалы о деятелях духовной культуры татарского народа за четыре-пять столетий¹⁷.

В начале 20-го столетия заметное развитие получают исламоведческие работы, которые, в свою очередь, продолжают философские традиции Ш. Марджани. Наиболее крупным представителем этого направления был известный знаток Корана, ислама и мусульманской культуры Муса Джарулла Бигиев (1875–1949). Его перу принадлежит ряд трудов по арабской филологии и отдельным проблемам исламоведения. Например, он одним из первых в России уделит пристальное внимание творчеству и философским воззрениям великого мыслителя аль-Ма'арри, опубликовал биографию поэта (ч. I) и оригиналы его стихов с переводами-толкованиями (ч. II). Его перу принадлежат также специальные публикации, посвященные спорным вопросам религиозного обряда и философии ислама¹⁸.

Этот период ознаменовался также появлением нескольких татарских тафсиров Корана (наиболее широко распространённым был тафсир Нугмани, 1907); из религиозных периодических изданий более долгосрочным и известным был «Дин ва ма'ишат» («Религия и жизнь», 1906–1918).

В первом десятилетии 20 в. стали появляться первые, светского характера, исследования по истории, культуре и филологии самих татар, принадлежавшие перу в то время сравнительно молодых авторов, таких как историк Хади Атласи (1876–1938), Абдулбари Батгал (1883–1969), Джамаладдин Валиди (1887–1932), Газиз Губайдуллин (Г.Газиз – 1887–1938), Али Рахим (1892–1943) и др. Из них до революции 1917 г. наиболее активно публиковался Х.Атласи¹⁹. Следует отметить, что в деятельности последних авторов основное место занимала тюркологическая, точнее, татароведческая проблематика.

В связи с изложенным вкратце материалом необходимо специально подчеркнуть, что отмеченное оживле-

ние татарской научно-общественной жизни во второй половине 19 – начале 20 вв., особенно усиление в ней светского начала и русско-европейского методического компонента в подаче материалов происходило в известной степени под непосредственным влиянием трудов казанских востоковедов, поэтому на данный сюжет обращено, хотя и пунктирно, особое внимание. Без этой предыстории, как увидим далее, трудно будет понять своеобразие ряда дальнейших явлений в сфере гуманитарно-научной действительности Казани 20-го столетия.

Ликвидация Восточного разряда в КУ, как оказалось, стала лишь половиной или даже малой долей беды для развития ориентально-гуманитарных дисциплин в Казани и регионе. Настоящая беда, даже подлинная катастрофа, постигла гуманитарно-культурную действительность (а следовательно, и востоковедческие знания) после 1917 г. При дальнейшем изложении материала будет обращено внимание на, так сказать, «околовостоковедческие» научные разработки, поскольку проблемы истории, культуры и филологии татарского народа давали возможность продолжить борьбу (в какой-то степени скрытую борьбу) за возрождение в Казани ориенталистики, что проходило «красной нитью» через все 20-е столетие.

Времена попыток и пыток

Вторая четверть 20 в. в истории России была самым сложным и неблагоприятным периодом для развития гуманитарных научных дисциплин. Трудности времен Первой мировой войны сменились последствиями революционно-разрушительных событий 1917 г., кровопролитной гражданской войны, массовой «утечки мозгов» – эмиграции значительной части интеллектуалов, в том числе историков (например, А.Баттал), а также страшного голода 1921–1922 гг. Некоторые элементы относительно мирной и нормальной жизни появились лишь во вре-

мена НЭПа в середине 20-х гг., когда население получило частичную свободу в сфере экономической деятельности и культурной жизни. С конца этого десятилетия началась коллективизация, сопровождавшаяся дальнейшим разрушением как хозяйственной, так и духовно-культурной жизни. Поэтому некоторое оживление в сфере научно-исследовательской деятельности имело место лишь в начальный период НЭПа.

Первыми результатами такого оживления в области историко-филологических изысканий, отдельными разделами выходящих за рамки татароведческих исследований, были книги Али Рахима и Г. Губайдуллина по истории татарской литературы. Одна из них вышла в 1922 г., следовательно, была написана ранее, другая опубликована несколько позднее²⁰. Значительными оказались содержательные, относительно выдержанные по объективности «Очерки» М.Г. Худякова²¹ и Дж. Валиди²². Вскоре Г. Губайдуллину удалось опубликовать в Москве свою «Историю татар»²³. Затем вышла литературоведческая книга Абдрахмана Сагди²⁴.

В начале 20-х гг., когда еще сохранялась вера в торжество «исторической справедливости» в результате революции и победы в гражданской войне, интеллектуалы надеялись на свободное развитие культуры, науки, в том числе и востоковедения, хотя бы некоторых направлений его в системе высших учебных заведений. Об этом свидетельствуют факты основания в 1922 г. Восточной академии, которая вскоре была включена в состав Восточно-педагогического института. Исходя из реальных возможностей начали преподавать языки и историю тюркских народов региона с надеждой развить научную тюркологию. С этой целью было организовано «Общество татароведения», к деятельности в котором привлекались молодые историки и филологи²⁵. Как известно, вскоре обстановка в стране резко изменилась. В результате со второй половины 20-х гг. публикация

обобщающих трудов по истории и филологии татар сходит на нет.

Такое изменение объясняется тем, что в середине 20-х гг., точнее с 1923 г., начинается тотальная борьба с национальными кадрами. «Первым звонком» этой кампании были обвинения в «национал-уклонизме», «антипартийной деятельности» и снятие со всех занимаемых постов Мирсаида Султан-Галиева, затем неоднократно арестованного, подвергнутого жестоким пыткам и казненного в 1940 г. Кампания эта постепенно распространялась на татарских и башкирских деятелей партии, культуры и науки на местах, которых стали обвинять в «буржуазном национализме», так называемой «султангалиевщине»²⁶ и т.д.

Формальным поводом для систематических репрессий было сопротивление значительной части национальных интеллектуалов процессу латинизации письменности татар, то есть переходу с арабской графики на латиницу. Одной из первых жертв из интересующих здесь нас авторов был постоянно критикуемый и арестованный в 1929 г., затем повторно взятый под арест Х. Атласи (расстрелянный в 1938 г.)²⁷. В 1931 г. были арестованы Дж. Валиди и А. Рахим. Из них первый, подвергавшийся жестоким пыткам из-за нежелания давать показания на других, попытался покончить с собой и в 1932 г. умер в тюремном лазарете. А. Рахим, инвалидом вернувшийся из лагеря, замерз в холодном полуподвальном помещении. Лишь А. Сагди удалось спастись: он уехал в Среднюю Азию. Но такое же бегство не спасло Г. Губайдуллина, в 1938 г. он был казнен бакинскими чекистами...²⁸

Крупные, международного масштаба, авторитетные знатоки восточных языков (арабского, персидского и османско-турецкого) и культуры мусульманского Востока, такие как Р. Фахраддин, М.Дж. Бигиев и др., будущи религиозными деятелями, были лишены всякой возможности заниматься научными исследованиями. Р. Фахраддин, против его воли, был назначен со-

ветской властью на должность муфтия (главы) Духовного управления мусульман в г.Уфе и до конца жизни был лишен всех гражданских прав. Продавая книги из своей личной библиотеки, он платил положенные служителям культа высокие налоги²⁹. Если неудобные вечера он коротал, занимаясь исследованиями, то работал лишь «в стол».

Муса Бигиев, не нашедший работы кроме должности имама, постоянно подвергался всяческим притеснениям и каждую ночь ожидал ареста. Поэтому в 1930 г. тайно, через Среднюю Азию и Восточный Туркестан эмигрировал. (Научная литература о нем, его трудах будет представлена ниже. Однако здесь считаем необходимым сообщить следующее: в 1931 г., проездом находясь в Кашгаре, он общался с интеллектуалами из уйгуров, интересовался состоянием их просвещения и давал некоторые советы, о чем свидетельствует его развернутое письмо, опубликованное недавно в Китае³⁰.)

В аналогичном положении оказались и другие, более молодые, знатоки восточных языков и культур, получившие до 1917 г. соответствующее образование в учебных заведениях Турции и других восточных стран. Зато, пользуясь всяческой поддержкой властей, проявляли необузданную воинственность авторы антирелигиозной публицистики, которые полностью отрицали права людей на религиозное убеждение и мировоззрение, последовательно подвергая сомнению культуру и историю мусульманских стран и народов, в особенности населения Центральной Азии.

В 1929 г. была полностью прекращена деятельность ОАИЭ, которое после 1918 г. фактически влачило жалкое существование, ибо было лишено всякой инициативы и материальной базы. Следовательно, начиная с середины 20-х гг. в Казани не было никаких реальных условий не только для развития, даже появления востоковедческих, в особенности исламоведческих изысканий. Хотя авторам вульгарно-атеистических публикаций жилось вольготно³¹.

Разумеется, труды вышеназванных репрессированных авторов изымались из обращения, уничтожались, в лучшем случае оказывались в специальных хранилищах. В Казани такое хранилище, куда вход был закрыт или строго ограничен, имелось лишь в Научной библиотеке (НБ) университета. Вообще начиная с конца 20-х гг. все арабографические книги изымались из всех библиотек, за исключением университетской. Как показывают результаты наших археографических экспедиций, старопечатные (арабографические) книги и рукописи у населения сохранились случайно, причем лишь те, которые оказались на чердаках старых домов или в забытых уголках чуланов, хозяйственных сараев³².

За репрессиями 1930-х гг. последовали тяжелые времена военных лет, когда было не до гуманитарных наук. Надежды на облегчение жизни, улучшение духовно-материальной обстановки после войны также не оправдались. Даже получилось наоборот. Многие нерусские, неславянские народы СССР, принимавшие участие в изгнании из страны фашистских интервентов, то есть внесшие вклад в победу над врагом, были «отблагодарены» советской властью весьма своеобразно. В 1944 г. были депортированы балкарцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, крымские татары, турки-месхетинцы, чеченцы и т.д. Как будто в армии русского генерала-изменника А.А. Власова и в бендеровских отрядах Западной Украины на стороне фашистов воевали представители именно только что перечисленных народов...

На повестке дня у «отца народов» стоял вопрос и о казанских татарах, к которым у Сталина было, как вспоминал С.И. Липкин, современник событий, особое отношение³³. Для татар у «великого вождя всех времен и народов», согласно некоторым сведениям, также было желание подыскать новое «местожительство». Предполагались два варианта: болотистые районы Западной Сибири или каменистые горы аннекси-

рованной в 1944 г. и до этого зависимой от СССР Тувы... Но как собрать для осуществления поголовной депортации разбредшееся по всему Советскому Союзу, от Прибалтики до Сахалина, пятишестимиллионное население? Поэтому и пришлось «ограничиться» принятием известного постановления Центрального Комитета ВКП(б) от 9 августа 1944 г., призванного подвергать данный народ социально-психологическому, духовно-культурному давлению и моральному унижению.

В этом наукообразном по форме, но репрессивном по содержанию и полурасистском, в сущности, постановлении³⁴ формально речь идет «об ошибках» в изучении эпоса «Идегей», памятника фольклора ряда тюркских народов, входивших в прошлом в состав Золотой Орды. Если в эпосе речь шла о трагических последствиях междоусобицы, то в постановлении фольклорный герой механически отождествляется с исторической реальной личностью и таким способом изобретается криминал³⁵. В действительности постановление преследовало другую далекоидущую цель: объявить Золотую Орду «паразитическим», диким по природе и происхождению государственным образованием, возникшим как бы случайно, поэтому лишенным всякой культурности, закономерности развития, занимавшимся исключительно грабежом, разорением Руси и русских. То есть Восток, тюркский мир, мусульманская культура Золотой Орды, татары-мусульмане противопоставляются Западу, а также Руси и русским. Тем самым логически под сомнением оказалось историческое право на существование тех народов, которые являлись наследниками Золотой Орды и других татарских ханств, возникших при ее распаде. Следовательно, постановление, с одной стороны, было призвано задним числом идеолого-политически обосновать «законность» депортации крымских татар и др., с другой стороны, историко-морально, «научно» унижить татар Поволжья и Приуралья,

которых по объективным причинам не удалось депортировать.

В результате не только всестороннее изучение проблемы прошлого ряда тюркских народов, являющихся частью восточного мира Евразии, но и освещение истории самих татар было отодвинуто на второй план или же осуществлялось односторонне, частично, даже искаженно. О широком развитии востоковедения не приходится говорить вообще³⁶.

Что же касается истории татарского народа, то она в свете постановления 1944 г. стала разрабатываться прежде всего в этногенетическом плане. В дальнейшем делалось все, чтобы доказать, что «татары – не татары», а «только лишь булгары», тем более они «не имеют никакого отношения» к ... крымским татарам, к ... Золотой Орде!

Первая наукообразная, но, в сущности, политизированная, попытка решения вопросов этногенеза казанских татар имела место в 1946 г., когда в самой Москве на специальной сессии отделения АН СССР был вынесен официальный вердикт по данной проблеме³⁷. Тем самым целенаправленными усилиями многих авторитетов исторической науки страны была сделана попытка отвести возможную угрозу сталинской репрессии против казанских татар в целом.

Несмотря на односторонность и спорность основных выводов сессии, это было в целом благородное по намерениям мероприятие. Следует лишь отметить, что лицо принципиального и научно объективного, честного ученого до конца сумел сохранить профессор (будущий академик) М.Н. Тихомиров (1893–1965)³⁸.

Таким образом, изучение многих аспектов не только истории, этнографии, археологии, но и филологии (лингвистики), фольклора казанских татар было подчинено прежде всего муссированному обсуждению вопросов этногенеза данного народа. В результате проблемы происхождения татар превращаются в стержень, основное содержание мно-

гих исторических, филологических исследований в Казани. Как будто лишь вопросы этногенеза составляют суть исторического знания о прошлом данного народа. В историях многих народов проблемы этногенеза, как правило, вмещаются в два-три констатирующих факта абзаца и все, ибо этого достаточно. А в Казани же, «в свете постановления» ЦК ВКП(б) 1944 г., они превратились в объект бесконечных, причем достаточно некрасивых споров как между самими татарскими авторами, так и между учеными из соседних регионов³⁹. Некоторые пожилые филологи до сих пор пытаются продолжать эту постыдную традицию, о чем речь будет ниже...

Что касается проблем истории Золотой Орды – составной части тюркологической дисциплины, то они в Казани почти никем специально не изучались. Их разработка вообще не поощрялась, фактически находилась под негласным запретом. И такое положение сохранялось долго. Нарушители запрета подвергались политизированной критике, иногда серьезной обструкции по месту работы.

При такой политизированной обстановке, когда в Казани не было возможности объективного освещения истории даже одного из восточных народов страны, излишне говорить об отсутствии условий для разработок общевостоковедческих проблем. Тем более здесь полностью отсутствовали ориенталисты со специальным образованием. Вообще в СССР (в России) изучение истории, языков и культуры восточных стран и народов было монополизировано учеными из столичных городов – Москвы и Ленинграда. Хотя и между ними имелись определенные проблемы...

Робкие шаги в сторону перемен

После смерти «отца народов» и критики культа личности Сталина на XX и XXI съездах КПСС, то есть под влиянием хрущевской оттепели, вернее

исторически раннего, незрелого, половинчатого предвестника горбачевской перестройки, были предприняты отдельные попытки исправить некоторые «перегибы» сталинских времен. Одной из таких попыток стало стремление активизировать инициативность ученых, вернуть относительную самостоятельность их мышлению. С этой целью попытались возродить деятельность Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете (КГУ). О судьбе этого проекта необходимо дать более подробную информацию.

Судя по всему, в конце 1960 — начале 1961 гг. идея эта стала будоражить умы отдельных представителей исторического сообщества университета. Вполне возможно, что она нашла поддержку и у руководства КГУ. Как было отмечено, ученые университета всегда были недовольны как переводом ВР из Казани в Петербург, так и прекращением деятельности ОАИЭ после революции. Во всяком случае, в мае 1961 г. для подготовки учредительного съезда Общества был создан организационный комитет во главе с авторитетным в республике проректором КГУ по научной работе проф. М.И.Абдрахмановым. Учредительный съезд проходил в Казани 16–20 апреля 1962 г. Открыл его приветственным словом ректор университета проф. М.Т. Нужин (1914–1983), который, надо полагать, был одним из основных инициаторов этого начинания.

В работе съезда кроме местных историков, филологов и представителей широкой общественности активное участие приняли многочисленные гости, в том числе из Москвы, Ленинграда, Ижевска, Куйбышева, Саратова, Саранска, Пензы, Перми, Уфы, Чебоксар и др., всего более пятидесяти участников — гостей из полутора десятка городов, преимущественно Поволжско-Уральского региона. Были избраны из 17 человек Совет общества (председателем стал проф. Н.И. Воробьев, заместителем — доцент Ш.Ф. Мухамедьяров), редакционная коллегия (главный ре-

дактор — доцент И.М. Ионенко). Было принято решение съезда, объявившее о начале официального функционирования общества.

Естественно, был принят новый устав общества, в котором подчеркивалась актуальность изучения истории Октябрьской революции, советского строя, особенно периода «великого десятилетия» (то есть периода хрущевского правления, такое понятие интенсивно вводилось в последние годы правления генсека). Исходя из этих «насуточных» требований несколько изменилось и название — Общество истории, археологии и этнографии (ОИАЭ). Печатный орган его должен был называться не «Известиями...», как прежде, а «Трудами...».

Пленарные и секционные заседания возрожденного общества, на которых прозвучали десятки новых по духу («в свете решений XX и XXI съездов КПСС») докладов, проходили весьма оживленно. Например, яркий доклад Н. Гумилева «Каспий, климат и кочевники Евразии» был вынесен на одно из объединенных заседаний всех секций...

В 1963 г. увидел свет первый выпуск «Трудов...» с указанием о том, что, будучи первым номером, он является одновременно продолжением 35 номеров (томов) прежних «Известий»⁴⁰.

Как только первые экземпляры «Трудов...» были разосланы по различным библиотекам страны, так разразился «гром среди ясного дня»; строжайшим образом было велено уничтожить весь тираж журнала и вообще прекратить деятельность общества. Все разосланные по библиотекам экземпляры издания были отозваны. Как говорили тогда на кафедре, где начал работать автор этих строк, лишь одна библиотека им. В.И. Ленина («Ленинка») в Москве не вернула требуемый экземпляр⁴¹.

Судя по прослушанным докладам и содержанию уничтоженного томика «Трудов...», общество намеревалось наравне с преимущественным освещением истории советского периода продолжить, по возможности, традиции своего

предшественника, уделяя определенное внимание местной археологии, этнографии и некоторым междисциплинарным проблемам. Кроме названного доклада Л.Н. Гумилева с его соавтором⁴², об этом свидетельствует и небольшая статья П.Е. Матвиевского, посвященная торговым контактам оренбургских татар с Индией⁴³. При учете того обстоятельства, что в Казани тогда не было ни одного востоковеда с соответствующим образованием, эти работы могли стать небольшим шагом вперед.

Следует специально отметить, что крах возрождаемого общества и уничтожение его печатного органа не были связаны с какими-либо конкретными идеологическими ошибками. Тот факт, что не было никакого официального обвинения кого-либо, характерного для советского строя, даже какой-либо печатной критики, говорит о том, что причина запрета сводилась к нежеланию руководства страны иметь какую-либо инициативу, исходящую из низов, в том числе со стороны научной общности. Такова была суть отношения тоталитарной системы к инициативе, системы, создавшей и стремившейся сохранить лишь массу покорных, безынициативных исполнителей «воли партии». Но, по сравнению с недалеким прошлым, был и бесспорный прогресс: никого не арестовали, никого не сняли с занимаемой должности. Вместо физических наказаний, характерных для прежних десятилетий, ограничились лишь моральным унижением научной общности.

Все-таки хрущевская оттепель, вопреки всевозможным позднейшим критикам самого Н.С. Хрущева, сыграла свою определенную историческую роль...

С другой стороны, инициаторы и сторонники идеи возрождения деятельности общества также проявляли определенную наивность, которая все равно привела бы заманчивое начинание к неминуемому провалу. Потому что в стране, где нет и не было элементарной базы для гражданского общества, не го-

воря уже о социально-экономических условиях для его развития, в том числе устойчивой частной собственности, свободных собственников, никакая инициатива не могла бы реализоваться без политической и материальной поддержки (подачки!) со стороны государства. Наконец, там, где не было и нет никакой автономии университетов, стремление возродить (или создать) добровольческое сообщество ученых объективно является не только утопией, но и трагической ограниченностью и социально-политической слепотой стремившихся к свету группы интеллектуалов⁴⁴.

Параллельно с попытками возродить общество на кафедре истории СССР университета ее руководителем Ш.Ф. Мухамедьяровым, при поддержке ректора М.Т. Нужина, были предприняты меры по подготовке специалистов по дефицитным в то время специальностям. С этой целью заведующий кафедрой начал заниматься по индивидуальному плану с двумя студентами из отделения татарской филологии, чтобы один из них специализировался по тюркоязычным письменным источникам, другой – по археологии и нумизматике⁴⁵. Они должны были принимать участие в археологических раскопках городищ Золотой Орды, начатых в самом начале 60-х гг. по инициативе московского археолога А.П. Смирнова⁴⁶ и осуществленных в основном его последователем Г.А. Федоровым-Давыдовым со своими учениками⁴⁷.

Следующая попытка возрождения востоковедения в Казани также имеет поучительную историю.

В первой половине 1970-х гг. в университете стала обсуждаться идея о необходимости открытия востоковедческой кафедры. Инициатором этого проекта вновь стал ректор М.Т. Нужин. Он, видимо, учитывая печальный опыт несостоявшегося возрождения ОИАЭ в качестве общественного научного учреждения, решил начинать дело с другой стороны – с создания в составе

университета учебно-научного подразделения, то есть кафедры.

Вопрос, на мой взгляд, в определенной степени был согласован на уровне Министерства высшего образования СССР. Об этом свидетельствует намерение установить и развивать контакты с одним университетом из арабских стран. Ректор прямо сказал об этом, назвав для начала Ливан. Поэтому он порекомендовал мне подумать о научном направлении будущей кафедры. Привлечение меня к этому проекту было связано, вероятно, с тем, что начиная с 1963 г. при кафедре истории СССР успешно функционировала археографическая экспедиция по выявлению и сбору среди населения восточных (арабографических) рукописей. Среди них было много и арабоязычных сочинений. Экспедиция была организована мною при активной поддержке Ш.Ф. Мухамедьярова (1924–2006)⁴⁸ и проф. Х.У. Усманова (1908–1992), в то время руководившего отделением татарской филологии⁴⁹. К этому времени также было опубликовано исследование татарских письменных исторических источников до 19 в.⁵⁰ Можно сказать, что в университете в какой-то степени началось постепенное возрождение отдельных направлений прежнего казанского востоковедения⁵¹.

На вопрос ректора, чем могла бы заниматься в научном плане новая кафедра, я с неуверенностью ответил, что пока отсутствуют специально подготовленные ориенталисты, придется заниматься, по-видимому, историографией истории российского востоковедения и вопросами тюркологии. Ректор, осторожно одобрив это, заметил, что, хотя первый опыт направления своих студентов в Ленинградский университет по известным причинам не дал желаемых результатов, придется еще раз добиваться от министерства лимита для учебы наших студентов в Ленинграде. При этом Михаил Тихонович с хитрой улыбкой добавил: «Нужно будет, видимо, подобрать парней с каким-либо небольшим физическим ущербом, на-

пример, хромым, что ли... и, конечно, девочек»⁵². Беседу свою он закончил поручением подготовить все необходимые документы для оформления визы, так как осенью делегация из трех человек (предполагался еще проф. Б.И. Кочелаев) должна была поехать в Бейрут.

Помнится, на составление всевозможных документов, в том числе развернутых анкет с точным указанием, где живут, чем занимаются близкие родственники и родители, если они умерли, то точно указать, когда и где они похоронены; наконец, нет ли родственников за рубежом и т.д., на бесконечные исправления и переписывания подобных унизительных бумаг ушло много времени. Но все оказалось напрасным: открытие кафедры не состоялось, поездка в Ливан также была сорвана, потому что летом того же года началась война, Бейрут был разрушен, часть страны оккупирована Израилем. В итоге ситуация на Ближнем Востоке в корне изменилась. Поэтому утверждение, что идея М.Т.Нужина «не была поддержана Татарским обкомом КПСС и подготовленные работы пришлось свернуть»⁵³, верно лишь отчасти.

Несмотря на очередную неудачу, в университете продолжались предприниматься усилия по разработке востоковедческих тем, преимущественно по историографии⁵⁴ и тюркологии⁵⁵. Гораздо успешнее шли дела по выявлению и сбору среди населения арабографических рукописей⁵⁶. В 1970–1980 гг. восточная археография стала модной дисциплиной не только в Казанском государственном университете, но и в других научных центрах⁵⁷.

Значительно продвинулось изучение письменных источников. Выяснилось, что если в обычных исторических сочинениях в СССР почти невозможно было открыто говорить о негативных аспектах в истории народа новейшего времени, то в источниковедческих исследованиях в ходе анализа информации и качества источников о тех же проблемах можно было сказать больше. Например, в исторических трудах

общего характера ликвидацию государственности у татар в 1552 г. было принято квалифицировать как исключительно позитивное, прогрессивное явление, принесшее татарскому народу исключительно выгоду. Один из «идеологов» из числа татарских ученых того времени писал: «Присоединение Казанского ханства к России в 1552 году явилось актом величайшей исторической важности, событием чрезвычайно прогрессивным, отвечающим как экономическим и культурным интересам татарского народа, так и интересам обороны страны»⁵⁸. В источниковедческих работах, при анализе и «критике» содержания памятников письменности прежних столетий, удалось косвенным путем показать и отрицательные последствия гибели государства, например, его регресс, плачевное состояние историко-научной мысли, в частности, духовной культуры в целом⁵⁹.

Если историю Золотой Орды было принято представлять как историю исключительно дикого, лишенного всякой культурности общества, то источниковедческое и историко-сравнительное изучение содержания и формы тюркоязычных оригиналов официальных документов этого государства, а также отколовшихся от него татарских ханств, нарисовало совершенно иную, даже противоположную картину⁶⁰.

Одним словом, несмотря на наличие различных препятствий, тюркологическое, точнее, татароведческое крыло научного востоковедения понемногу развивалось, хотя долгое время его шаги в целом были достаточно робкими, а тематически — значительно узкими, ограниченными. Естественно, были и исключения. Например, изданное в Москве исследование Н.Ш. Хисамова, посвященное анализу известной поэмы Кул 'Али (13 в.), по своему качеству отвечало требованиям научной ориенталистики⁶¹.

Несмотря на отмеченные успехи, подобные публикации, особенно исторического характера (1960 — начала 1980-х гг.), за редким исключением,

имели характерные черты, которые можно было бы трактовать как отражение политико-идеологической атмосферы реалий советской действительности или же как серьезную методологическую ущербность научных работ того времени. Дело в том, что во многих публикациях, претендующих на научность в освещении творчества, наследия и мировоззрения деятелей прошлого, авторы были вынуждены умалчивать и скрывать от современных читателей некоторые аспекты их биографии. Прежде всего, речь идет о религиозно-богословской стороне их деятельности, в результате чего обеднялась и фактически искажалась сложная действительность. Как отмечал в своем письме один неплохо осведомленный в истории татар пожилой читатель из Астрахани, Ш. Марджани в одном казанском исследовании был изображен «почти атеистом» и даже «полукоммунистом»⁶².

Следует признать, что упрек вообще-то не был далек от истины, потому что долгое время о таких деятелях, как Ш. Марджани, трудно было что-либо сказать положительное, объективное без умалчивания религиозных аспектов их деятельности. Если в рукописях имелись такие положительные суждения, то они, как правило, вычеркивались редакторами, даже лояльно настроенными, хотя критические суждения, негативные эпитеты, наоборот, поощрялись. Такой примерно «обработке», то есть частичному выхолащиванию в свое время подвергались и мои статьи, например, посвященные 150-летию Ш. Марджани⁶³ и 125-летию Ризаэтдина Фахретдина⁶⁴. Другая наша статья, в которой впервые делалась попытка спокойно, без каких-либо негативных оценок осветить литературную и журналистскую деятельность Р. Фахретдина и Фатиха Карими⁶⁵, подверглась суровой идеологической критике на страницах официальной печати⁶⁶.

Таково было в то время официальное отношение к культурному наследию в целом, следовательно, и к востоковедческим разработкам, в частности.

Эти частично выхолощенные или резко раскритикованные статьи — если не считать отдельных высказываний начала 1920-х гг. — были за весь предыдущий советский период первыми попытками объективнее осветить деятельность названных мыслителей...

О такой специфике значительной части наших публикаций 1960-х — начала 1980-х гг. я подробно пишу потому, что отмеченная особенность имела место во многих публикациях и после краха большевистского строя. Это являлось результатом длительной «выдрессированности» большинства авторов, у многих из которых привычка умалчивать истину постепенно превратилась «во вторую натуру», то есть в убеждение.

Следующей особенностью многих публикаций этого периода является то, что в них (опубликованных, как правило, в литературных журналах, других доступных печатных органах просто не было) преобладало публицистическое начало при изложении материала.

Проявление такой стилистической «воинственности» связано с тем, что в то время, когда еще все же тлели некоторые признаки предыдущей «оттепели» конца 1950-х — начала 1960-х гг., приходилось бороться за каждое имя, за каждый памятник, даже просто факт прошлого, тотально отвергнутых до этого коммунистической идеологией как «старые, реакционные, вредные, враждебные»...

Следовательно, вышеотмеченный избирательный прием в подаче материала был обусловлен расчетом на легкопроходимые аргументы. Что касается стилистических средств изложения, то при их помощи предполагалось оказать психологическое давление на сторонников идеологического ограничения, умалчивания, с одной стороны, и позитивное влияние на дезинформированных, оболваненных большевистской пропагандой обывателей, то есть широкой публики, с другой.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наиболее подробные материалы о Казанском университете представлены в следующих работах: *Загоскин Н.П.*: а) История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования (1804–1904). Казань, 1902–1904. Тт.1–4; б) Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета (1804–1904) в 2-х частях. Казань, 1904; *Булич Н.Н.* Из истории первых лет Казанского университета (1805–1819). Рассказы по архивным документам. Ч.1–2. — СПб., 1904. — Изд. 2-е; *Корбут М.К.* Казанский государственный университет имени В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/5–1929/30). Казань, 1930. — Т.1–II. Следует отметить, что у Н.П.Загоскина исследование доведено до 1828 г.; Н.Н.Булич также освещает первые 15 лет истории университета. Труд М.К.Корбута носит обзорный характер, в нем более подробно освещены те периоды, которые остались неисследованными предыдущими авторами. Новейшие исследования: Казанский университет. 1804–1979. Очерки истории, Казань, 1979; История Казанского университета. 1804–2004, Казань, 2004; *Исаков А.П., Исаков Е.П.* Летопись Казанского государственного университета (История в фактах, подтвержденных документами). Т.1. 1804–1945 гг., Т.П. 1946–2004 гг. Казань — Лондон, 2004–2005; *Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis. Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005.

² О языковой ситуации см.: *Наджип Э.Н.*: а) О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках // Советская тюркология. 1970. — №1. — С.87–92; б) Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. Кн.1. — М., 1979; об этническом процессе в Золотой Орде см.: Усманов М.А. Об особенностях раннего этапа этнической истории Улуса Джучи // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и ее население. М., 2002. — С.101–109.

³ *Усманов М.А.* О документах русско-восточной переписки на тюркских языках в XV–XVIII вв. и их источниковедческом значении // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М., 1994. Вып.2. — С.123–138.

⁴ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. Т.9. М., 1977. – С.372–373.

⁵ Загоскин Н.П. История... Т.I. – С.220–223 и далее.

⁶ Подробнее см.: Усманов М.А.: а) Ученые из Германии в Казанском университете и их вклад в развитие науки, культуры (первая половина 19 в.) // *Das mittlere Wolgagebiet in Geschichte und Gegenwart*. Edit. Klaus Heller / Herbert Jelitte (Hr.sg.). Frankfurt Main, 1994. – S.177–203; б) Из истории сотрудничества ученых Казанского университета и Германии (первая половина 19 в.) // Грани сотрудничества между Казанским и Гиссенским университетами. Казань, 1999. – С.21–39.

⁷ Усманов М.А. Казанский университет: становление научной ориенталистики в России и регионоведения // Международный семинар: «Университеты, культурное развитие и региональная самобытность» при содействии Конгресса местных и региональных властей Совета Европы. Казань, 2008. – С.120–121; подробный обзор проблемы см.: Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX – 20-е гг. XX вв.). Казань, 1998.

⁸ Усманов М.А. Из истории сотрудничества... С.29.

⁹ Там же. – С.28.

¹⁰ Загоскин Н.П. Словарь... Ч.1. – С.180–192; Булич Н.Н. Из истории... Ч.1. – С.163; Федоров-Давыдов Г.А. Монеты рассказывают. М., 1981. – С.16–18.

¹¹ Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Сочинения. Т.9. – М., 1977. – С.48.

¹² Там же. – С.118–119, 173.

¹³ О его деятельности см.: Иванов С.Н. Николай Федорович Катанов. М., 1973; Кокова И.Ф. Н.Ф.Катанов. Абакан. 1993; Н.Ф.Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: очерки истории российской тюркологии. Казань – Абакан, 2008–2009.

¹⁴ Не случайно в 2007 г. 50-я юбилейная сессия РИАС была проведена в Казани: Репортаж о работе 50-й сессии Постоянной международной алтаистической конференции (РИАС): «Казань и алтайская цивилизация». Казань, 2007.

¹⁵ См.: ۱۸۸۵–۱۹۱۰، قزان، قسم، ۱–۲، بلغار. استفاد الاخبار في احوال قزان و بلغار.

Усманов М.А. Источники книги Ш.Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Сб.ст. Вып.2–3. Казань, 1969. – С.144–154; Юсупов М.Х. Шигабуди Марджани как историк. М., 1981.

¹⁶ Подробнее см.: Усманов М.А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. Казань, 1980; тексты документов о Х.Фаизханове и его сочинений, также писем см.: Хөсәен Фәезханов: Тарихи-документаль жьентык. Казан, 2006.

¹⁷ Перечень многочисленных трудов ученого в двух следующих публикациях: Рахимкулова Мадина. Ризаэддин бин Фәхрэддингә 140 ышь тулу мөнәсәбәте белән (1859–1936). Оренбург, 1998. – С.137–140 и 157–170 (содержит отдельные неточности); Госманов М., Мәрданов Р. «Шура» журналының библиографик күрсәткече. Казан, 2000. О некоторых аспектах творчества и наследия см.: Госманов М.: а) Катлаулы чорның каршылыклы вәкиле // Каз.ут., 1984. – № 1. – С.142–157; в) Ризаэддин Фәхрәддинов мирасы // В кн.: Үткәннән – киләчәккә. Казан, 1990. – С.51–70; Башиев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахрәддинова. Уфа, 1996; Байбулатова Л.Ф. «Асар» Ризы Фахрәддина: источниковая основа и значение свода. Казань, 2006. В книге имеются: библиография трудов ученого (С.112–114), литература о нем (С.114–122), а также указатели (С.122–174).

¹⁸ Из ранних трудов М.Дж. Бигиева наиболее интересными являются:

(1) موسى بن جابر الله بكييف. اللزوميات. ابي العلاء احمد بن عبدالله المعري حضر تارينك ترجمه حالي .

Казань, 1907

اول اوق. فيلسوف كبير امام ابي العلاء المعري حضر تارينك اللزوميات نامنده اولان بيوك اثر نندن انتخابا ترجمه.

Казань, 1907

Первая часть на 56, вторая – на 208 страницах.

(2) اول اوق. اوزون كونلرده روضا. Оренбург, 1911

(3) اول اوق. رحمت الهييه بر هائلرى. Оренбург, 1911

¹⁹ Монографические исследования Х.Атласи:

۱۹۱۲. اطلسى هادى. سير تاريخى. قزان.

اول اوق. سيون بيكه. قزان. ۱۹۱۴

اول اوق. قزان خانلىقى. قزان. ۱۹۱۴ (2-е изд. Казан, 1920)

³⁶ Эта политика имеет устойчивую тенденцию. Например, о сомнительном значении мусульманской культуры, о «коварстве» мусульманского духовенства и лидеров исламских «партий» в судьбах, а также конкретной истории татар чрезвычайно политизированное и наукообразное «объяснение» дается начиная с 20–30 годов: *Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. – С.5–60; В дальнейшем «философское» обоснование такой интерпретации нашло отражение в другой книге: *Фасеев К.Ф.* Из истории татарской передовой общественной мысли. Казань, 1955.

³⁷ Специальный отчет о работе сессии: Происхождение казанских татар: Материалы сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, 25–26 апреля 1946 года в г. Москве (по стенограмме). Казань, 1948.

³⁸ Там же. – С.119–123.

³⁹ Об этом в какой-то степени свидетельствуют извлечения из писем А.П.Смирнова, см.: *Овчинников А.В.* Древняя и средневековая история Волго-Уралья в трудах советских ученых: *Смирнов А.П.* Казань, 2008. – С.273–278. Следует отметить, что подборка извлечений осуществлена автором книги явно однобоко, с целью дискредитировать прежде всего казанских ученых, в действительности же проблема была намного сложнее.

⁴⁰ Труды Общества истории, археологии и этнографии. Т.1 (36). Казань: Изд-во КГУ, 1963. – 140 с. (тираж 500 экз.). Журнал открывался документальными материалами о работе съезда: редакционная информация (С.3–4); извлечения из приветствий, присланных оргкомитету (С.5–6); состав совета Общества, редакционной коллегии, ревизионной комиссии (С.6–7); текст решения съезда (С.7–8); именной список почетных членов из числа академиков и новых членов-учредителей (160 человек – С.8–13). Далее следуют тексты содержания журнала по следующим рубрикам: статьи (С.14–82), сообщения (С.83–129), обзоры и рецензии (С.130–137), письма и заметки (С.138), сведения о четырнадцати авторах (С.134) и, наконец, «содержание» (С.140).

⁴¹ Мне, в 1961–1963 гг. студенту старших курсов, посчастливилось видеть и впервые послушать доклады таких известных в те времена историков-медиевистов, как Л.Н.Гумилев, М.Г.Сафаргалиев, А.П.Смирнов, Г.А.Федоров-Давыдов и др. В 1963 г., являясь сотрудником кафедры истории СССР, я был свидетелем вышеописанного краха возрождающегося общества. Помогая заведующему кафедрой Ш.Ф.Мухамедьярову (научному руководителю моего дипломного проекта на тему «Записки Исмаила Бекмухамедова о его путешествии в Индию в 18 в.») в оформлении некоторых документов по уничтожению несчастных «Трудов...», я позволил себе «грех» припрятать один экземпляр журнала. Этот ныне раритет (экземпляр, возвращенный из Вильнюса, о чем имеется отметка на внутренней стороне обложки) до сих пор хранится в моей личной библиотеке, что и позволило мне так подробно и документально изложить вышеописанную грустную и одновременно поучительную историю.

⁴² *Алексин А.А., Гумилев Л.Н.* Каспий, климат и кочевники Евразии // Труды ОИАЭ. Т.1(35). – С.41–55.

⁴³ *Матвиевский П.Е.* Сношения оренбургских татар с Индией в XVIII в. // Там же. – С.112–119.

⁴⁴ Следует отметить, что и в наши дни в Казани кое-кто время от времени распространяет слухи о возрождении ОИАЭ при КГУ и путем самовыдвижения пытается стать его председателем, хотя ничего реального не предпринимается для созыва нового учредительного съезда или хотя бы собрания ученых. С другой стороны, не учитывается то обстоятельство, что при современных условиях и технических возможностях общение, сотрудничество ученых не только одного города, региона, но и всей страны, даже в международном плане вполне возможны без повторного «изобретения велосипеда», то есть «возвращения» архаичного научного института, безвозвратно канувшего в Лету.

⁴⁵ По археологии и нумизматике Улуса Джучи (Золотой Орды) начал специализироваться под руководством Г.А.Федорова-Давыдова из Московского университета студент Азгар Гатауллович Мухамадиев, ныне профессор КГУ; *Мухамадиев А.Г.*: а) Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983; б) Древние монеты Поволжья. Казань, 1990; в) Древние монеты Казани. Казань, 2005.

⁴⁶ Помнится, что зимой 1960–1961 гг. профессор А.П.Смирнов в Государственном музее ТАССР выступил перед историками города с обоснованием необходимости систематического

изучения истории и археологии Золотой Орды, призывая казанцев принимать участие в этом деле. О многогранной деятельности и трудах А.П.Смирнова см.: *Овчинников А.В.* Древняя и средневековая история... С.200–258.

⁴⁷ О научной деятельности и наследии Г.А.Федорова-Давыдова см.: *Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т.* Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова // Поволжье и сопредельные территории в средние века. М., 2002. – С.6–14; *Полубояринова М.Д.* Список научных трудов Г.А.Федорова-Давыдова // Там же. – С.14–20.

⁴⁸ В 1965 г. Ш.Ф.Мухамедьяров уехал из Казани.

⁴⁹ О начале археографических поисков и первых успехах экспедиций см.: *Усманов М.А.* В поисках неутраченного // Восточная коллекция. М., 2002. – №4 (11). – С.14–16.

⁵⁰ *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.: «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария», Татарские шаджара. Казань, 1972.

⁵¹ История Казанского университета. 1804–2004. Казань, 2004. – С.507.

⁵² Эти слова ректора запомнились не случайно. Из трех отправленных в 1959 г. по инициативе проф. Х.У.Усманова и при поддержке М.Т.Нужина в Ленинградский университет студентов двое парней не вернулись в Казань, так как они были завербованы в спецслужбы и в дальнейшем работали в зарубежных странах. О М.Т.Нужине см.: Михаил Тихонович Нужин. Воспоминания современников. Казань, 1999; Ректоры Казанского университета. 1804–2004. Казань, 2004. – С.325–341. О Х.У.Усманове см.: *Госманов М.Г.* Остаток кайгысы // Каз.ут., 2008. – №5. – 132–149 бб.

⁵³ Такое утверждение содержится в новейшей работе: История Казанского университета... С.507.

⁵⁴ Например: *Мазитова Н.А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. Казань, 1972; *Михайлова С.М.*: а) Казанский университет в просвещении народов Поволжья. Казань, 1979; в) Казанский университет в духовной культуре народов Востока России. Казань, 1991; *Усманов М.А.* Заветная мечта Хусаина Фаизханова. Казань, 1980; *Шамов Г.Ф.* Профессор О.М.Ковалевский. Казань, 1983 и др.

⁵⁵ В 1970–1980 гг. ученые стали активнее обращаться к текстам (обработанным лучше, чем прежде) ранних тюркоязычных литературных памятников: Борынгы төрки һәм татар әдәбиятының чыганаclarы. Төзүче Х.Госман. Уку-укуты әсбабы. Казан, 1981; *Акмулла. Шигырьләр. Төзүче М.Госманов.* Казан, 1981; Кол Гали. Кыйссай Йосыф. Төзүче Ф.С.Фәсиев. Казан, 1983; *Габдерәхим Утыз Имәни Әл-Болгари.* Шигырьләр, поэмалар. Төзүче Ә.Шәрипов. Казан, 1983; *Габделжәббар Кандалый.* Шигырьләр һәм поэмалар. Төзүче М.Госманов. Казан, 1988 и др.

⁵⁶ О результатах этой работы подробнее см.: *Усманов М.А.* Итоги и перспективы археографических работ в Казанском университете // Материалы итоговой научной конференции КГУ за 1988 год. (Доклады на пленарных заседаниях). Казань, 1990. – С.3–20; *Усманов М.А.* В поисках неутраченного. – С.14–16. В течение 1963–1989 гг. было выявлено, собрано и сдано на хранение в НБ КГУ более 9000 (девяти тысяч) рукописных единиц, а также более 1500 единиц редких старопечатных изданий. Материал позднее более подробно был изложен в книге: *Госманов М.* Каурый каләм эзеннән. Казан, 1994. 2-нче басма.

⁵⁷ С 1970-х гг. такие поиски стали проводиться сотрудниками Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Казанского филиала АН СССР (ныне Институт языка, литературы и искусства им.Г.Ибрагимова при АН РТ). Примерно в это же время стали выявляться и собираться восточные рукописи историками и филологами академического Института истории и филологии в г.Уфе. С 1990-х гг. аналогичные материалы собираются сотрудниками Национальной библиотеки РТ. В хранилищах этих научных учреждений находятся тысячи рукописей и документальных памятников, а также личные архивы многих татарских интеллектуалов нового времени.

⁵⁸ *Фасеев К.Ф.* Из истории татарской передовой общественной мысли (вторая половина XIX – начало XX вв.). Казань, 1955. – С.16 и далее. Основа для подобных крайне глупых утверждений имелась в официальных исторических изданиях: История Татарской АССР. Т I (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Казань, 1955. – С.135–141 и далее. Подобная интерпретация приводилась и в позднейших изданиях по истории татар.

⁵⁹ См.: Усманов М.А. Татарские исторические источники... С.9–32.

⁶⁰ Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. Нелишне процитировать мнение и другого исследователя: «...доказательством большой сферы тюркского влияния на русскую документальную письменность служит высокий уровень организации делопроизводства в Золотой Орде, более совершенной, чем на Руси и в европейских государствах того времени» (Демин А.С. Элементы тюркской культуры в литературе Древней Руси XV–XVII вв. (К вопросу о видах связей) // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974. – С.517).

⁶¹ Хисамов Н.Ш. Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али. Анализ источников сюжета и авторского творчества. М.: Наука, 1979.

⁶² В письме, адресованном автору, речь шла о следующей книге: Абдуллин Я.Г. Татарская просветительская мысль. Казань, 1976. В действительности издание этой книги было в то время определенным успехом, так как в Казани до этого времени в качестве просветителя признавался лишь один Каюм Насыри (1825–1902), а Марджани преподносился как противник светского просвещения.

⁶³ Госманов М. Мәржани турында берничә сүз // Каз. ут., 1968. – №1. – С.116–121.

⁶⁴ Госманов М. Катлаулы чорның каршылыклы вәкиле // Каз. ут., 1984. – №1. – С.142–157.

⁶⁵ Госманов М., Мәһдиев М. XX йөз башы татар әдәбияты һәм матбугат тарихының кайбер мәсьәләләре // Каз. ут., 1967. – №7. – С.124–131.

⁶⁶ Социалистик Татарстан. – 1968. – 4 февраля. – №30 (14277).